ЧУВСТВО ПРОСТОРА

Николай РЫЛЕНКОВ

ЕЩЕ не так давно мы почти на каждом писательском собрании много и тревожно говорили о «постарении» советской литературы. Теперь, к нашей общей радости, положение резко изменилось.

Во-первых, в нашей литературе все большую роль начинает играть писательская молодежь, заявившая о себе главным образом во второй половине пятидесятых и начале шестидесятых годов. Во-вторых, многие талантливые писатели старшего и среднего поколения переживают новый подъем, резко вторую творческую молодость.

В поэзии эти процессы особенно наглядны.

Совершенно очевидно, что без поэтов пятидесятых и начала шестидесятых годов нельзя представить себе нашу поэзию. Но точно так же нельзя ее представить без таких мастеров старших поколений, как Николай Асеев, Павел Антокольский, Александр Твардовский, Илья Сельвинский, Алексей Сурков, Семен Кирсанов, Николай Ушаков, Михаил Светлов, Леонид Мартынов, Ярослав Смеляков, Сергей Васильев, Николай Грибачев и многие другие, которые в последние годы создали свои самые молодые книги.

Я уже не говорю о поэтах военного поколения, таких, как Михаил Луконин, Сергей Орлов, Михаил Дудин, являющихся как бы связующим звеном между поэтическое молодежью и седыми ветеранами поэзии.

Этот двуединый процесс и создает удивительное ощущение молодости, свежести и в то же время зрелой гражданской мужественности нашей поэзии, ее разнообразия и богатства.

В результате тех благотворных перемен, которые произошли во всей жизни нашего народа после XX съезда партии, перед советской поэзией открылись невиданные просторы. А чувство простора — одно из самых необходимых в искусстве. Без него подлинное искусство невозможно вообще.

Мы видели, как расправили крылья для новых взлетов многие талантливые поэты старших поколений. Не по дням, а по часам растет поэтическая молодежь в столицах и в глубине страны. Растет шумно, перебивая друг друга, горячо споря между собой, а порою и со старшими товарищами.

Многое в этих спорах идет от молодого задора, от избытка сил, кое в чем проявляются и излишняя самонадеянность, наивное желание заново изобретать для себя уже давно изобретенные велосипеды. Дают себя знать и проникающие с Запада модернистские влияния.

Долг критики и поэтов старших поколений — помочь молодежи разобраться в стоящих перед нею проблемах, направить на путь подлинного новаторства, всегда глубоко человечного, связанного с жизнью народа, вытекающего из его потребностей. Подлинное новаторство всегда базируется на освоении и переосмыслении опыта предыдущих поколений, на продолжении и углублении сложившихся и проверенных временем традиций. Такое новаторство никогда не приведет к формализму.

Это подтверждается всем опытом советской поэзии, и прежде всего опытом ее родоначальников и основоположников — Блока и Маяковского, Демьяна Бедного и Есенина, которые, каждый по-своему, аккумулировали все богатство русской и мировой гражданской поэзии.

Я не вижу особой беды в том, что некоторые молодые поэты интересуются творчеством Марины Цветаевой или Бориса Пастернака. Все это крупные мастера, внесшие определенный вклад в нашу художественную культуру, и знать их нужно. Беда заключается в другом, в некритическом отношении к творческому опыту этих сложных и очень противоречивых поэтов, в неумении отделить в их творчестве живое от мертвого. А критика наша долгое время стыдливо отмахивалась от поэтов, которые не вмещались в ее схемы. Она умудрялась многие годы обходить молчанием даже такого крупнейшего поэта революции, как Демьян Бедный. Его наследие до сих пор остается почти нетронутой целиной.

Надо ли говорить, что подобное отношение к нашему общему достоянию не помогало воспитывать литературную молодежь?

Наиболее характерной особенностью, определяющей и направляющей поиски самых разных поэтов последнего призыва, мне представляется стремление сочетать верность суровому реализму со смелой романтикой, показ масштабности времени с пристальным вниманием к внутреннему миру человека. Активный строитель коммунистического общества — это человек не только огромной целеустремленности, но и огромного духовного богатства. И очень радостно, что наши молодые поэты нашли путь к сердцу читателя.

Недавно я написал несколько добрых слов о первой книжке молодого поэта Владимира Пальчикова, работающего учителем в селе Калинино Омской области.

Я это сделал не потому, что он пишет лучше своих сверстников. С таким же правом я мог бы привести стихи Владимира Цыбина и Владимира Фирсова, Риммы Казаковой и Ольги Фокиной, Игоря Жданова и Леонида Агеева, Дины Злобиной и Светланы Евсеевой, Андрея Дементьева и Антонина Чистякова, Владимира Дагурова и Юрия Пашкова.

Я назвал Владимира Пальчикова потому, что он, как принято говорить, живет на далекой периферии, а наша критика редко кого замечает за пределами столиц.

Надо ли говорить, что это невнимание «к периферийным» поэтам отнюдь не способствует их творческому росту, как не способствует обогащению всей нашей поэзии вообще?

В Москве и Ленинграде долгое время существовала тоже своя «периферия», куда нередко относились даровитые, но скромные поэты, не умеющие, да и не желающие следовать за шумной модой. Происходило это потому, что наша критика изо дня в день спорила о небольшой группе «модных поэтов».

МОДА по самой сути своей враждебна искусству. Она заставляет художника потрафлять самым неразборчивым вкусам, изменять правде жизни, своему дарованию. Но еще хуже, когда вопедший в моду поэт возомнит себя властителем дум поколения. Всем памятна печальная судьба Игоря Северянина.

Мне не хотелось бы лишний раз возвращаться к ошибкам Евгения Евтушенко и Андрея Вознесенского. Они получили суровую и справедливую отповедь советской общественности, которая заставит их задуматься, если они дорожат доверием своего народа, если дорожат своими дарованиями. Им нужно подумать в тишине. Уж слишком много было вокруг них шума. Но сделать вывод из этих уроков должны не только они, а и все те молодые поэты, кому не давали покоя их лавры.

Еще Гоголь говорил, что, прежде чем браться за перо, нужно воспитать в себе гражданина своего отечества. В письме к Вяземскому от 11 июня 1847 года он писал: «Нужно, чтобы мы все-таки питали любовь к своей государственности, а не летали мысленно по всей земле, говоря о России; чтобы чувствовали, по крайней мере, что строенье иного исходит из духа самой земли, из находящихся среди нас материалов».

У Евгения Евтушенко немало ярких, талантливых стихов, пафос которых направлен против стяжательства, равнодушия к людям, ханжества, против мещанства во всех его проявлениях. Но в некоторых лирических стихах он излишне нажимал на побочные, несущественные явления советской действительности, и поэтому подобные стихи подхватывались как раз теми, против кого обращен пафос его лучших вещей.

Мы помним, как хорошо начинал Андрей Вознесенский, выступивший с поэмой «Мастера», сразу обратившей на себя внимание. Но, раздумывая над его последними стихами, я не раз вспоминал слова одной поэтессы 20-х годов:

Я не люблю церквей, где зодчий
Слышнее бога говорит...

Большое искусство не терпит щегольства. В нем, по законам строгой соразмерности, все частности воплощены в подчинении идеи целого. Задача подлинного искусства, в особенности искусства социалистического, заключается вовсе не в том, чтобы осложнять простые явления жизни, а в том, чтобы распутывать сложнейшие клубки противоречий, находить путеводную нить, делать неясное ясным.

Андрею Вознесенскому еще не хватает самодисциплины, строгости, вкуса. Он молод и от избытка сил не прочь покрасоваться собой, своей непохожестью на других, даже своей непонятностью. Но то, что простительно молодости, непростительно зрелости. Андрей Вознесенский стоит на порге зрелости, и литературные забавы ему не к лицу.

Во многом близкого Андрею Вознесенскому ленинградца Виктора Соснору, первая книжка которого «Январский ливень» вызвала уже немало доброжелательных отзывов, ограждают от соблазнов литературщины его нелегкая биография, трудовая закалка, не позволяющая в поэзии играть в бирюльки. Но и он в последних стихах отдал немалую дань «игре в слова». Хочется надеяться, что это только детская болезнь, от которой он скоро излечится.

В последнее время широкий отклик получила публицистическая лирика Роберта Рождественского, собранная в книгах «Необитаемые острова» и «Реверсия».

Роберт Рождественский умеет придать гражданское звучание любой теме, как общественной, так и личной. Его лирические книги равноценно, но, о чем бы он ни писал, он всегда говорит о том важном, что волнует его современников.

Можно ли и нужно ли сводить всю гражданскую поэзию к публицистической лирике или лирической публицистике, как делают некоторые товарищи? По-моему, нельзя и не нужно, так как это обедняло бы нашу поэзию. Понятие гражданственности в наше время необычайно расширилось. Самые высокие гражданские чувства у нас могут проявиться и воплотиться в любом труде, идущем на пользу человеку, помогающем нашему продвижению вперед, к коммунизму. Следовательно, и в поэзии мерой гражданственности должна быть мера человечности в нашем, коммунистическом понимании этого слова. В нашем обществе, которое борется за коммунистические отношения в общественной и личной жизни, в труде и быту, снимается и традиционное противопоставление гражданской и личной лирики. Поэтому было бы неправильно недооценивать любовные или пейзажные стихи. И на любовной, и на пейзажной лирике, если они стоят на уровне нравственных требований времени, можно воспитывать самые высокие гражданские чувства. Я уже не говорю о том, что удовлетворение духовных запросов советского человека есть тоже гражданский долг.

Мы иногда требуем от художника того, что он не в силах дать, что не свойственно его таланту, и тем самым сбиваем его с толку. Мне хочется напомнить одно замечательное высказывание А. В. Луначарского из его статьи «Огюст Ренуар — живописец счастья». Он пишет: «Надо, чтобы мы не забывали, сколько нам отпущено хорошего судьбою, или, по крайней мере, какими мы могли бы быть счастливыми. Этого требуйте у Ренуара,— он даст. Великого мастерства требуйте, — даст. Душевной ясности почти святого человека требуйте,— даст. Неужели этого мало?»

Есть поэты — и хорошие поэты, — чьи строки рассчитаны на чтение не с трибуны, а вполголоса, а то и про себя. Неужели их по одному этому нужно относить к разряду второстепенных стихотворцев? Думаю, что нет.

Неправомерным мне кажется и бытующее до сих пор в некоторых критических кругах противопоставление городских и деревенских поэтов как новаторов и традиционалистов. В основе такого противопоставления лежит чисто формальный взгляд на новаторство. Вообще практика показала, что разработка классических форм стиха отнюдь не обязательно должна приводить к традиционализму, как и использование самой новейшей модернистской поэтики вовсе не гарантирует от эпигонства.

Мало кому известно, что даже такой поэт, как Михаил Исаковский, чье творчество является для нас образцом высокой простоты, в начале двадцатых годов перебелал модным тогда имажинизмом. Но именно переболел, окончательно утвердившись затем на позициях реалистического искусства.

Кстати сказать, творческий опыт этого великолепного мастера еще до обидного мало изучен. Только этим и можно объяснить высокомерное отношение к его поэзии со стороны некоторых молодых поэтов и критиков. У нас до сих пор недооценивается новаторская сущность его глубоко демократической, народной поэзии. У него есть чему поучиться самым разным поэтам, и не только тем, кто разрабатывает «деревенскую тематику».

Может быть, самое важное, самое главное в творческом опыте Михаила Исаковского — это та высшая гражданственность, когда общественные и личные мотивы органически сливаются воедино, когда любовь к близким становится выражением любви к Родине, а любовь к Родине позволяет раскрыть перед близкими самые лучшие свойства души.

ХАРАКТЕРНОЕ для нашего времени, необычайно стремительное развитие техники никак не отдаляет человека от земли, не убивает в нем чувства природы. Напротив, наш современник, особенно наш советский человек, острее, чем когда-либо прежде, ощущает свою сыновнюю связь с землей, с родной природой. Все глубже проникая в ее тайны, он все полнее постигает ее красоту. Поэтому совсем не архаичны ни буйное половодье красок Владимира Цыбина и Анатолия Поперечного, ни задумчивая лирика полей и лесов Владимира Семакина и Владимира Фирсова. Другое дело, насколько это интересно в каждом конкретном случае. Вот тут-то и раскрывается простор для критики. Далеко не все хорошо в стихах «Огонька» Анатолия Жигулина. Нельзя не видеть то и дело прорывающегося у Поперечного наивного биологизма и литературной вторичности некоторых стихов Благова. Но я считаю, что это не органические пороки, вытекающие из общей направленности их творчества, а недостатки мастерства, которые могут и должны быть преодолены.

До сих пор я говорил о лирике, но молодые поэты упорно стремятся и к овладению эпическими формами.

С большим интересом встретили читатели поэму Егора Исаева «Суд памяти», которую я считаю одной из самых серьезных удач нашей молодой поэзии в этом жанре за последнее время.

Она привлекает своим активным, я бы сказал, воинственным гуманизмом.

Молодая поэзия растет не только в столицах, а и в глубине страны, пробиваясь чистыми родниками из народной почвы.

До большого всесоюзного читателя все чаще доходят голоса сибиряков Майи Борисовой и Ильи Фонякова, уральца Владимира Дагурова, волжанина Николая Благова, калининцев Андрея Дементьева и Антонина Чистякова, смолян Юрия Пашкова и Владимира Простакова... Хорошее пополнение нашей молодой поэзии приходит из Советской Армии. В Воениздате вышли интересные книжки стихов Анатолия Павленко и Юрия Проданова, в библиотечке журнала «Советский воин» вышедшие сборники Александра Дракохруста и Александра Коваля-Волкова, продолжающие высокие традиции патриотической лирики.

Недавно «Комсомольская правда» напечатала превосходный цикл Игоря Жданова, полный высокого пафоса гражданского долга, жажды подвига во имя и во славу трепетной любви к земле, к человеку, к жизни.

Конечно, было бы жаль, если бы наши молодые друзья из сказанного мною сделали поспешные выводы, решили бы, что все у них хорошо и завтра они будут на вершине Парнаса. До этого еще очень далеко.

Ведь возможности нужно еще претворить в действительность, а для этого, кроме дарования, необходимы терпение, упорство, трудолюбие, необходимо святое недовольство собой, постоянное стремление к совершенству, непримиримость к всяческой фальши и многое другое, что мы подразумеваем, когда говорим об ответственности художника перед временем, перед народом.

Борис СЛУЦКИЙ

ДЕВЯТОГО МАЯ 1945 ГОДА

Мир был нов. Но не как пятак.
Для чеканки вчера утвержденный.
Мир был нов, но совсем не так.
Мир был нов, как новорожденный.
Пусть кричит! Он едва прошел
Сквозь некрасную муку родов.
Что младенцам некрасиво —
Тяжело для стран и народов.
Мир был нов и был некрасив.
Тем не менее он родился,
Нарядился и утвердился,
Жизнестойкостью всех поразив.
Исчезает некрасота —
После долгого боя сдается.
Остается его высота,
Широта его остается.

Борис ДУБРОВИН

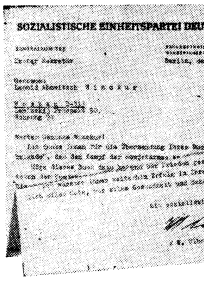
НАСТУПЛЕНИЕ

Нет, не атака!
Наступление —
Войск нарастающий накат.
Испепеленные селения
Золою дышат на солдат.
Но долгожданною расплатою
Встает возмездье и полный рост.
И небеса на землю падают
Огнем нитяновенных звезд.
Издалека тяжелой маскою,
Прощедшею неравный бой,
Надвинулась гряда Карпатская
И заслонила нас собой.
Мы — наверху!
И — все туманнее,
Усеяны рваные мосты,—
В глаза стреляют расстояния,
Увиденные с высоты.
...И вновь годами не размолоты,
Мне видятся из-под руки
Барханы ярыш в пустыне города,
Осколков ржавые пески,
И вновь пехота распластается,
Чтобы отсечь бегущим путь,
И наступленье разрастается,
И некогда передохнуть!

Страницы великой летописи

ВОЛНУЮЩИЕ ДНИ

В ВОЛГОГРАДЕ в местном издательстве вышла книга «7-я Гвардейская». Автор записок — полковник запаса, бывший комиссар мотострелковой бригады Л. А. Винокур.


SOZIALISTISCHE EINHEITSPARTEI DEUTSCHLANDS

Комиссар бригады послал свою книгу в Германскую Демократическую Республику товарищу Вальтеру Ульбрихту: ведь солдаты гвардейской бригады, сражаясь за свою Родину, вели борьбу и за освобождение новой, трудовой Германии от фашистской нечисти.

Вальтер Ульбрихт ответил автору:

«Уважаемый товарищ Винокур! Благодарю Вас за присылку Вашей книги «Седьмая гвардейская бригада», посвященной битве Советской Армии на Волге.

Пусть эта книга внесет свой вклад в дело укрепления памяти о героических подвигах Советской Армии во время грандиозного сражения, которое явилось поворотным пунктом во второй мировой войне и тем самым положило начало освобождению народов Европы от ига гитлеровского фашизма. Воспоминание об этом историческом событии обязывает нас бороться против западногерманского империализма и милитаризма, дабы разбитым тогда не удалось вергнуть человечество в новую мировую войну.

Желаю Вам дальнейших успехов в Вашей работе, а также всего хорошего и прежде всего здоровья и творческих сил.

С социалистическим приветом

В. УЛЬБРИХТ».

Автор «7-й Гвардейской» ведет свой волнующий рассказ с того июньского дня сорок второго года, когда в поселке Сталинградского тракторного, в школе начали формироваться боевые силы отдельной мотострелковой бригады. Бойцами бригады стали рабочие индустриальных крепостей. Командовал бригадой старый шорсовец, пулеметчик Богунского полка Иван Дмитриевич Бурмаков.

В штабе фронта командиры бригады получают доброе напутствие от члена Военного Совета фронта Н. С. Хрущева. Он интересуется всеми подробностями жизни только что созданной бригады, настроением и духом бойцов. Никиту Сергеевича радует, что именно коммунисты и комсомольцы цементируют боевые силы идущей в сражение бригады.

2 августа на западной окраине села Дубовой Овраг бригада вступает в свой первый бой с немецкими танками. И так в боях — до самого февраля сорок третьего. С нарастающим упорством сражается бригада на улицах затянутого пороховым дымом, пылающего огнями пожаров города-героя. Улица за улицей, Актюбинская, Амурская, Ветлужская, Коммунистическая, Сурская, Ломоносовская, Островского... Записки комиссара передают это страшное напряжение — бои идут за каждый метр, за каждый камень. 30 января батальоны стали блокировать Дом Советов, городской театр. Идет день, идет ночь. Бои завязываются в садах на подступах к театру. Вот уже проникли в искореженные обгорелые здания театра и Дома Советов батальоны Шлыкова и Медведева. Вдали, по ту сторону площади, высится серое здание универмага с обрушенными верхними этажами.

Запомнилось комиссару и бойцам: от сплошных разрывов снег перемешался с землей, крупнокалиберные пулеметы из уцелевших окон универмага бьют трассирующими пулями. В тусклом свете занимающегося утра старший лейтенант Ильченко с группой бойцов метр за метром продвигается к универмагу. И вот уже видно, как ветер треплет белый флаг в воротах последнего опорного пункта фельдмаршала Паулюса. Следует сигнал по радио — это Ильченко докладывает комбригу: «Мы уже в подвале универмага»...

А в марте на площади Павших борцов — вчера она еще насквозь простреливалась — из распахнутых дверей затихшего универмага выносят гвардейское знамя: отныне под этим знаменем мотострелковая бригада пойдет дорогами сражений до самого Дня Победы...

В. ГАЛИН

В НЕБЕ БЕРЛИНА

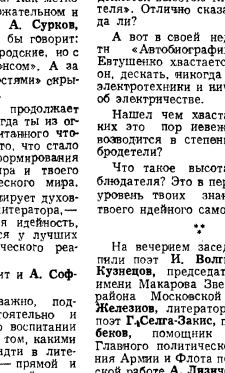
На днях в Киеве бывший летчик-истребитель, Герой Советского Союза В. Бондаренко выступил со статьей, где рассказал об интересном эпизоде, который произошел на фронте в один из последних дней второй мировой войны. Участником этого события был специальный корреспондент авиационной армейской газеты капитан А. Хорунжий. Ныне Анатолий Хорунжий — писатель, автор многих повестей и рассказов.

Корреспондент «Литературной газеты» попросил Анатолия Хорунжего подробней рассказать об этом эпизоде.

— Первого мая 1945 года я прибыл на аэродром одной из авиадивизий, чтобы написать корреспонденцию о том, как проведут этот день наши летчики.

Возле штабного блиндажа стояли летчики с планшетами, рассматривая карты. Ведущий группы, командир полка гвардии майор Малиновский уже застегнул планшет, готовясь дать команду: «По машинам». В этот момент на аэродром прибыл начальник политотдела авиасоединения. Гвардии полковник поздоровался с летчиками, поздравил всех с праздником Первого мая и сказал, что командование армии поручает полку сбросить над Берлином в день Первого мая алое полотнище с надписью «ПОБЕДА».

Когда уже составили группу для почетного полета, возник вопрос:



Летчик Малиновский и А. Хорунжий перед полетом.

— Мы тебе, капитан, напишем удостоверение, что принимал участие в этом торжественном для полка событии. А то ведь у тебя было другие редакционные дела, а ты их не успел сделать. Вот и будет оправдательный документ...

У меня, как и у каждого писателя и журналиста, уже становавшего в Великой Отечественной войне, остались много памятных записей в фронтовых блокнотах. Есть там и горькие страницы, есть и радостные. И, пожалуй, самая радостная запись — эта самая, от 1 мая 1945 года, старый «оправдательный документ» и фотография со знаменем перед вылетом на Берлин.

ПРИМЕЧАНИЕ КОРРЕСПОНДЕНТА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»:

Как выяснилось, Анатолий Хорунжий не полностью выполнил тогда задание начальника политотдела. Очевидно, из скромности он не написал в армейской газете, как сбрасывал знамя над Берлином. После того как об этом появилась заметка Героя Советского Союза В. Бондаренко, Анатолий Хорунжий, хоть и с опозданием на восемнадцать лет, все-таки выполнил его...

К. ГРИГОРЬЕВ

КИЕВ. (Наш корр.)

...И дальше в путь

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Есть герои в жизни, и они должны выйти на сцену! Разве ушла тема революционной романтики, героическая тема? Хочется напомнить молодым драматургам, какие цельные, сильные, подлинно советские характеры представали перед нами в пьесах Тренева и Вишневского, Погодина, Лавренева, Корнейчука.

ГЕРОИ нашего времени... Поистине, слово художника правдиво и действенно только тогда, когда он хорошо знает нашу современность, глубоко и заинтересованно изучает ее, с партийной прозорливостью заглядывает вперед, в будущее. И уместно закончить эти заметки о совещании молодых писателей словами **Юрия Гагарина:**

— Я уверен: для того, чтобы видеть новое, надо много знать. Ведь еще не потеряли ни для нас, космонавтов, ни для вас, писателей, силой простота слова старого флотоводца адмирала Макарова: «Широта горизонта определяется высотою глаза наблюдателя». Отлично сказано, не правда ли?

А вот в своей недоброй памяти «Автобиографии» Евгений Евтушенко хвастается тем, что он, дескать, никогда не изучал электротехники и ничего не знает об электричестве.

Нашел чем хвастаться! С каких это пор невежество порою возводится в степень некоей добродетели?

Что такое высота глаза наблюдателя? Это в первую очередь уровень твоих знаний, высота твоего идейного самосознания.

* * *

На вечернем заседании выступили поэт **И. Волтин**, поэт **В. Кузнецов**, председатель колхоза имени Макарова Звенигородского района Московской области **Б. Железнов**, литератор **П. Халов**, поэт **Г. Селга-Закис**, поэт **У. Умарбеков**, помощник начальника Главного политического управления Армии и Флота по комсомольской работе **А. Лизичев**.

...Уже второй день идет работа творческих семинаров, где обсуждаются произведения молодых писателей.

Всесоюзное совещание молодых писателей. Константин Федин беседует с участниками совещания Владимиром Санги (Сахалин), Юсуфом Акобировым (Таджикистан) и Николаем Федунцом (Украина).

Маленькие **РЕЦЕНЗИИ**

ЮНОСТЬ СОЛДАТСКАЯ

УЖЕ само название книжки рассказов Михаила Скороходова «Юность солдата» заставляет предполагать, что в ней будет рассказано об ожесточенных схватках, грохоте орудий и пулеметов, красных ракетах... Но, читая ее, очень быстро убеждаешься, что «батальных сцен» в ней не так уж много и отнюдь не они занимают центральное место в повествовании.

М. Скороходов рассказывает, например, о солдатской «библиотеке» — библиотеке, состоящей из одной книги «Как закалялась сталь», расшитой до десять страничек и читаемой одновременно несколькими бойцами в перерывах между боями, «до угрызениях совести» у солдата, который во время боя потерял одну страничку и тем лишил товарищей возможности прочесть ее («Библиотека Ершова»)...

Он рассказывает об удивительной судьбе немецкой овчарки, и в этом — лучшем в сборнике — рассказе («Райх») содержится глубокий и важный смысл. Потеряв своего хозяина — начальника конлагеря, одичав, собака долго, уже после войны, живет в лесу и, наконец, приходит к путевому обходчику старику Иванькину и приживается у него, как будто совершенно изменив свой свирепый нрав. Но когда она вдлит на экране концлагерь, оборванного человека перед вытянутым фашистом и слышит знакомое немецкое слово: «Взять!» — она вдруг кидается на экран и издыхает с клочьями материя в пожелтелых от старости, но еще острых зубах... В этом зловещем финале — страшный аллегорический смысл: фашизм не умер, он еще гнездится в душах, отравленных им, его не «перевоспитешь», не приручишь...

Скажем честно: в рассказах М. Скороходова есть и сухие, протокольные страницы. Это тем обидней, что буквально рядом с ними соседствуют другие, которые можно оценивать по настоящему, большому счету литературы.

А лучшее, что есть в этом небольшом сборнике, убедительно и вдохновенно говорит о том, почему жизнь восторжествовала над смертью, говорит не только о мощи советского оружия, но и о великой силе и чистоте духа народа, благодаря которым мы победили в той тяжкой и великой войне.

В. НИКИТИН

Михаил Скороходов. «Юность солдата». Рассказы. Издательство «Молодая гвардия». 1963.